

ВРЕМЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ В АДЫГСКОЙ МИФОЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ)

Анализ фольклорного материала, в частности примет-правил, позволяет очертить некоторые представления о временной структуре космоса в адыгской мифоэпической традиции, а также космогонические представления, связанные с символикой яйца в приметах-правилах и мифо-ритуальном комплексе.

В космологических представлениях адыгов пространственная модель коррелируется с определенными параметрами мифического времени. Понятие о мифическом времени, являясь одной из основных категорий мифологической модели мира, имплицитно присутствует в фольклорных произведениях, в частности в паремиях-правилах. Цель исследования состоит в попытке обнаружения некоторых временных мифологических координат, в которые каждый представитель данной культуры помещает себя и которые, на глубинном архетипическом уровне, организуют его повседневную жизнь. Основным материалом для анализа служат приметы-правила, имеющие регулятивную функцию. Исследование параметров временной модели мира опирается на систему координат, содержащую набор основных универсальных семиотических оппозиций: день / ночь, свет / тьма, дни недели, смена времен года.

Свет / тьма. Одна из форм выражения этой оппозиции противопоставление дня и ночи; например: Жэщым щхьэр бжьыну фЫккым, щхьэц кIэрыбгъэхумэ лъэпккым дежкIэ фЫккым, жаIэрти, ядэртэккым – Вечером волосы расчесывать нехорошо, если волосок упадет, то это нехорошо для рода, говорили и не разрешали. Махуэм ихэщыгъуэм деж щхьэи яупсыртэккым, Iэбжьани паупщIыртэккым, щыгъыныщIи ябзыртэккым – Когда день идет на убыль, голову не брили, не обрезали ногтей, не кроили новую одежду. Жэшу жьыщIэпк иумыкIут, фЫккым жаIэрт – Вечером воду после стирки не выливать, нехорошо, говорили. Жэщым псы ежэхым ухэфыну фЫккым, жаIэрт – Вечером пить проточную воду нехорошо, говорили.

Более ослабленные дробные формы хронотипического членения представляют собой такие точки, как утро, вечер, сумерки, закат, полночь; например: Пшапэ хэдэ уд мэхьу, жаIэрт – Кто шьет в сумерки, становится ведьмой, гово-

рили. Пщэдджыжь мафIэр зэщIэнэгъуафIэу зэщIэнэмэ, уи Iуэхур псори а махуэм гъзэщIэгъуафIэ хьунуц, жаIэрт – Если утром огонь легко разгорится, в этот день тебе будет сопутствовать удача во всех делах, говорили. Сабийр дыгъэ кьухьэгъуэм ягъэжейртэккэм, и псэ дыкьухьэнуц, жаIэрти – На закате детей спать не укладывали, вместе с солнцем может уйти и его душа, говорили.

Оппозиция день / ночь включает в себя противопоставления, связанные со светилами – солнцем, луною, звездами; например: Мазэм Iэпхуэпщийуэ и гугъу пщIыну фЫккым, жаIэрт – Указывая пальцем на луну, говорить о ней нехорошо, говорили. Вагъуэ убжмэ, убжам и зэрыз хьэмцIыракIэ кьыптекIэну кьафIэщIырт – Считали, что если будешь считать звезды, то сколько насчитаешь, столько же на тебе вырастет бородавок.

Хронотипическое членение дня и ночи, тьмы и света – это самые общие точки временной шкалы. Частной манифестацией этих временных разделений следует считать сакрализацию дней недели. Дни недели распределяются по принципу возможности / невозможности тех или иных действий. Помимо прочего, каждый из дней недели отмечен по шкале общей благоприятности / неблагоприятности. Например: Мэремырэ гъубжымрэ Iуэху яублэртэккым, гъави ясэртэккым – В пятницу и вторник дел не начинали, зерно не сеяли. Iуэху бублэну, жылэ хэпсэнэу, жыг бгъэтIысыну – тхьэмахуэр, щэбэтыр, бэрэжьейр фIыщ, жаIэрт – Начинать дела, сеять зерно, сажать деревья – в воскресенье, субботу, среду хорошо, говорили. Зи бын зыфIэмащIэр мэрем махуэм иремыжьыщIэ, жаIэрт – Кому мало имеющихся (у него) детей, пусть не стирает в пятницу, говорили. Сымаджэм гъубжым щIэупщIэртэккым – Во вторник больных не навещали.

Проксемически значимы ситуации первых сезонных действий и встреч, в которых

нашли отражение представления о цикличности времени; например: Гъэрэ щыгъэрэ щызэхэкI махуэм уи унэ кыхьэм и Гуэхум хуэдэу уи Гуэхури ирокIуэ – Если в день весеннего равноденствия в твой дом войдет человек, то твои дела в этом году пойдут так же, как и у него. Гъатхэм япэ пльагъу хьэндрабгъуэм ещхьу уи фэр йокIуэкI, жаIэрт – Цвет твоего лица весь год будет таким, какого цвета бабочку весной ты встретишь первой. Гъатхэм япэу чыцI пльагъумэ нэхьыфIщ, щынэ нэхьэрэ: шынэ пльагумэ, Iэпкълъэпкъыр хьэлъэу гъэр йокIуэкI, жаIэрт – Весной лучше первым увидать козленка, чем ягненка: если первым увидишь ягненка, то весь год твое тело (букв.) будет тяжелым, т.е. будешь испытывать недомогание.

Одним из вариантов временных оппозиций можно считать противопоставление жизнь / смерть; этот мир / тот мир; живой / мертвый. Это противопоставление реальной жизни и ее отражения в «ино» мире. Для архетипического сознания, как известно, обе части этого противопоставления реальны, непосредственно связаны и взаимообусловлены. Множеством правил регулируется поведение, связанное с объектами, имеющими непосредственное отношение к «иному» миру: умершими, похоронами, кладбищем и т.п. Например: Кхьэм Iэпэ хуашийртэкъым, хуашыямэ, едзэкъэжырти, теувэжырт – На кладбище пальцем не указывали, а если указали, то кусали палец и наступали на него. Хьэдэр илзу зэгъэпскIтэкъым – Пока покойник в доме не купались. Щыгъын пльыжь пщыгъыу кхьэм удыхьэну фыккъым, жаIэрт – В красной одежде на кладбище заходить нехорошо, говорили. ЩыгъыныщIэ пщыгъыу хьэдагъэ урикIуэну фыккъым, жаIэрт – В новой одежде на кладбище ходить нехорошо, говорили. Хьэдэ зэрщIальхьэ бел зыIэпахтэкъым – Лопату, которой закапывают могилу, из рук в руки не передавали.

Частной манифестацией этого противопоставления можно считать оппозицию сон / явь, в которой также наблюдается обусловленность событий по обе стороны черты; например: Псы утхьуа пщыгъуэу пльагъуу фыккъым, жаIэрт – Во сне видеть мутную воду нехорошо, говорили. Псы пщыгъуэу нэпсщ, жаIэрт – Видеть во сне воду – к слезам, говорили. Уль-

этауэ пщыгъуэу пльагъуу фыщ, жаIэрт – Видеть во сне, что ты летаешь, хорошо, говорили. «Хьер ухьу» жамыIауэ, уи пщыгъуэу умыIуатэ, жаIэрт – «Добром да обернется» пока не скажут, свой сон не рассказывай, говорили. Джэгугу пщыгъуэу пльагъумэ уонащхьей, жаIэрт – Если во сне увидишь праздник, это к печали, говорили. ДжэдыкIэ пщыгъуэу пльагъумэ уэс къос, жаIэрт – Увидеть во сне яйца – к снегу, говорили. Ульэтауэ пщыгъуэу пльагъуу фыщ, жаIэрт – Видеть во сне, что ты летаешь, хорошо, говорили. Лы цыны пщыгъуэу пльагъумэ фыккъым, гуауэ кыпщыщIынущ, жаIэрт – Видеть во сне сырое мясо нехорошо, горе с тобой случится, говорили. МафIэс пщыгъуэу пльагъуу фыккъым, жаIэрт – Видеть во сне пожар нехорошо, говорили.

Приметы-правила, основное назначение которых состоит в передаче образов и «санкций» «правильного» поведения, содержат представления о так называемом неопределенно-прошедшем времени и начальном правремени. Формальным выражением апеллированности к неопределенно-прошедшему времени служит формула «жаIэрт»– «говорили», которой заключается при репрезентации каждый текст приметы-правила. Например: Куэдрэ упсэ цыгъур угъурсызщ, жаIэрт – Много строгой человек злокозненный, говорили.

Таким образом, в сознание представителя этнокультурной традиции вводятся временные ориентиры, точки и объекты, распределенные по шкале «благоприятности / неблагоприятности», согласно которым традиционный человек классифицирует явления внешнего мира и соотносит с ними свое поведение.

Временные представления в адыгской этнокультурной традиции не исчерпываются структурными их параметрами. В этой связи представляет интерес символика яйца, нашедшая отражение в паремиях-правилах, а также в мифо-ритуальном комплексе. В адыгской мифоэпической традиции отсутствует развернутая система космогонических представлений, связанных с началом временного отсчета, началом творения. Единственный известный фрагмент подобных представлений – «Песня старых нартов» («Нартыжь уэрэд»), в которой мир предстает в процессе вычленения из неотвердевшей субстанции:

«Дунеижъри, ой дуней, шымыджэмыпцIэмэ,
Щыльэ щхъуантIэри, ой дуней,
 шызэпцIэгъашIэмэ...» –
Когда мир еще, ой дуней, лишь создавался,
Зеленая земля, ой дуней, только затвердевала»
(8, 28).

Эти представления согласуются с аналогичными воззрениями во многих архаических культурах, в которых мир также конкретизируется как нечто неорганизованное, неоформленное, как «аморфное состояние вещества в яйце» (7, 206).

В этой связи существенным дополнением к вышеупомянутым представлениям о «начале» времен, о времени первотворения в адыгской мифо-эпической традиции является комплекс правил и ритуалов, связанный с символикой яйца. Во множестве этно-культурных традиций с образом раскалывающегося, взрывающегося, поднятого к небу яйца связывается начало творения. Отголоски типологически сходных представлений прослеживаются при анализе некоторых элементов адыгского мифо-ритуального комплекса. Свидетельством тому могут послужить ряд обрядов и ритуалов, связанных с весенним обновлением природы, которые европейские путешественники и исследователи соотносили с пасхальными. Непременным атрибутом этой весенней обрядности служило яйцо, установленное на возвышении или шесте, которое служило мишенью для стрельбы. Описание одного из этих ритуалов, относящихся к XIX в., приводится Т. де Мариньи: «С начала марта они воздерживаются от употребления в пищу яиц, прекращают давать взаймы или одалживать; ... не берут даже огня у своих соседей... Праздник заканчивается стрельбой из ружей; мишенью служит яйцо, а призом для победителей – шкуры жертвенных животных» (5, 305). Аналогичные сведения приводит и И.Ф. Бларамберг: «Часть черкесов, – пишет он, – соблюдает большой пост, наподобие того, как это делается у русских, после чего у них наступает праздник, такой же, как у русских пасха. По случаю праздника они делают друг другу подарки, едят яйца... Среди прочих увеселений во время этого праздника есть стрельба из лука в цель, причем мишенью служит яйцо, а попавший в него получает пода-

рок от хозяина дома. Черкесы называют этот праздник днем появления бога» (1, 373). Было бы, по-видимому, неточным сводить смысл этих ритуалов к пасхальной атрибутике, так как корни этой обрядности стадиально более древние. В частности, стрельба по мишеням из яиц демонстрирует ее языческие, дохристианские истоки. Смысловой контекст этих обрядов – представление о циклическом весеннем обновлении жизни (как во многих восточных традициях, у адыгов было принято встречать новый год в марте), в котором разбивание яйца символизировало возникновение космоса. В пользу этого предположения свидетельствует также существование запрета на разбивание и поедание яиц в период, предшествующий этим ритуалам, описываемый также Н. Дубровиным: «... черкесы собирали яйца, но не употребляли их ни для какой нужды и разбить их в это время считали грехом» (4, 66). То есть до наступления празднеств, символизирующих начало нового природного цикла, разбивание яиц «греховно» и поэтому запрещено, потому что оно должно совпадать с началом нового времени, нового годового цикла (см. запреты одалживать, в том числе огонь). Аналогичную функцию выполнял ритуал стрельбы по яйцам в рамках свадебной обрядности. Во время движения свадебной процессии, по свидетельству С.Х. Мафедзева, «женщины и девушки выносили на дорогу яйца и платки, клали по пути следования свадебного кортежа, и всадники, сопровождавшие невесту, на всем скаку, выхватывая ружья из чехла, разбивали яйца, подбирали платки. Неприличным считалось оставлять на дороге целое яйцо или неподобные платки» (6, 119-120). Сходную функцию имели ритуалы стрельбы по мишеням из яиц, установленных на шесте, во время празднеств в честь «огневого» божества Тлепша, который также отмечался весной, в марте. «В день праздника, – по свидетельству Н. Дубровина, – черкесы молились, делали возлияния на лемеше и топоре и, по совершении обрядов, пили, ели и предавались забавам, из которых главной была стрельба в цель, преимущественно в яйцо, представлявшее мишень и поставленное на видном месте» (4, 66-67). Это согласуется с утверждением В.Н. Топорова о том, что «в ряде случаев с темой рас-

кальваемого яйца связан бог с функцией громовержца или его отец» (10, 681). По мнению же А.Т. Шортанова, «тлепш, выступающий как «огневой бог», нередко заменял и бога-громовержца Шыбле» (11, 95).

В опосредованной форме космогоническая символика яйца присутствует также в обряде вызова дождя, описанном И. Гурвичем и С. Раскиной (2; 9). «Считалось, – писал И. Гурвич, – что дождь можно вызвать при помощи вороньего гнезда, висевшего над глубокой пропастью. Для этого юноши доставали его, что было сопряжено с большим риском для жизни, так как необходимо было именно такое гнездо, к которому пробраться было труднее всего. Добытое гнездо старики с молитвами мочили в воде, после чего должен был пойти дождь» (2, 41). Одним из инвариантов этого мотива, по всей видимости, могут служить действия, выполнявшиеся в рамках обряда вызова дождя, когда в реку клался ритуальный камень яйцевидной формы, взятый с могилы убитого молнией (2, 38-39). Космогоническая функция яйца проявляется также в ритуалах, связанных с циклическими представлениями о весеннем обновлении природы, в частности в обрядах плодородия: скорлупа яйца в борозде, оглаживание животных яйцом. «...Перед выездом на пахоту... наряду с другими кушаньями, – пишет С.Х. Мафедзев, – поедали много яиц. Скорлупу от яиц они собирали и крошили на очень мелкие части, которые рассыпали в поле, говоря: «Дай бог, чтобы земля крошилась вот так» (6, 26). Интересно в связи с вышеизложенным поверье, согласно которому, если колдун (уд), прошедший обряд очищения, в течение 30 дней съест яйцо – он восстанавливает свои колдовские способности (4, 77). Мотив «яйца в водах», начала творения, прослеживается в ритуале бросания яйца в бурную реку во время первой весенней переправы (6). Охранительная функция яйца проявляется в обряде первого укладывания новорожденного ребенка в колыбель. «Желая уберечь ребенка от дурного глаза, – пишет М. Джандар, – адыги соблюдали ряд обычаев. Около колыбели ставили чашку с освященной молитвой водой и туда клали яйцо, полагая, что при появлении злого духа яйцо треснет. Поэтому каждый проходящий должен был намочить водой руку и протереть лобик ребенку. Об этом говорится в песне:

ЗынатЭ кIэнкIэпс	Ребенка, которому не окропили лоб
Зынэмысыгъэ кIалэм	Водой, где держали яйцо,
ИгъашIэ кIэко дэд...	Жизнь недолговечна... (3, 78).

Помимо этого, как отмечает та же М. Джандар, «до первого укладывания ребенка в новую люльку клали кота и яйцо. Полагали, что кот оставит в люльке свой сон... А яйцо предвещало младенцу долгую жизнь: КIэнкIэм фэдэу фыжкы охъуфэ шыIэнэу» – «Пусть доживет до тех дней, пока не побелеет как яйцо!» (3, 78). С яйцом связан также запрет в период беременности сажать квочку на яйца: «считалось, что дети должны появиться у кого-то одного – у женщины или у квочки» (3, 60). Существовало, по свидетельству С.Х. Мафедзева, также убеждение, что если младенца впервые понесли к соседям, а там его не одарили яйцом, «то у него на голове разведется парша» (6, 98).

Представляет интерес в этой связи семантика яйца в обряде чапш (ночные бдения карнавального типа у постели тяжело раненого или больного). Сведения об этом обряде, с той или иной степенью полноты, содержатся в трудах Т. де Мариньи, И.Ф. Бларамберга, Дж. Белла, Н. Дубровина, С. Хан-Гирея и др. «Возле постели больного, – писал Н. Дубровин, – ставилась чашка с водою, в которую опускалось куриное яйцо, и тут же ставились железные лемеша и молоток... Каждый посетивший раненого должен был подойти к ним и три раза ударить молотком по лемешам... Среди народа существовало поверье, что если пришедший был братоубийца или убийца невинного человека, то яйцо, там положенное, непременно лопнет и тем обнаружит преступление посетителя» (4, 42).

Представления о нахождении, о рождении из яйца различных воплощений злой силы, в частности змея, в несколько редуцированной форме содержатся в приметах-правилах, связанных с гусями яйцами; например: Къаз джэдыкIэм блэ исщ, япэ щIыкIэ ямыкьутэу ягъавэртэкъым, нэхъыбэм яшхыртэкъэм – В гусиных яйцах находится змея, поэтому целиком, т.е. не разбивая, его не готовили, а многие вообще не ели. Негативность последствий наступания, сожжения яичной скорлупы отразилась в приметах-правилах: ДжэдыкIампIэ бгъэсмэ, уи джэд кIэщIыжкъым, жаIэрт – Если сожжешь

яичную скорлупу, твои куры перестанут нестись, говорили. ДжэдыкIампIэм утеувэмэ, лъэужьей уохъу, жаIэрт – Если наступишь на яичную скорлупу, становишься приносящим несчастье, говорили. (Ср.: в буддийской мифологии «разбить скорлупу яйца» значит освободиться от вселенского пространства и циклического времени.) (12).

Таким образом, анализ фольклорного материала, обрядов и ритуалов позволяет, с той или иной степенью определенности, очертить

представления о временной и пространственной структуре космоса.

В мифо-ритуальном комплексе, а также приметах-правилах в опосредованной форме отразились довольно устойчивые космологические представления, связанные с символикой яйца, имеющего полифункциональный характер. Как и во множестве культур, с функцией взрывающегося поднятого к небу яйца в адыгской этнокультурной традиции связывается начало временного отсчета.

Список использованной литературы:

1. Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // АБКИЕА, Нальчик, 1974.
 2. Гурвич И. Религия сельской общины у черкесов-шапсугов // РПЧШ - М., 1940.
 3. Джандар М. Песня в семейных обрядах адыгов. – Майкоп, 1991.
 4. Дубровин Н. Черкесы (Адыге). – Нальчик, 1991.
 5. Мариньи Т. де. Путешествие в Черкесию // АБКИЕА, 1974.
 6. Мафедзев С.Х. Обряды и обрядовые игры адыгов. – Нальчик, 1979.
 7. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976.
 8. Нарты. Адыгский героический эпос. – М.: Наука, 1974.
 9. Раскина С. Формы и виды магии в черкесской религии // РПЧШ. – М., 1940.
 10. Топоров В.Н. Яйцо мировое // Мифы народов мира. В 2-х т., т. 2. – М., 1982.
 11. Шортанов А.Т. Адыгская мифология. – Нальчик, 1982.
 12. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: МГУ, 1994.
- Условные сокращения
АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост., ред. В.К. Гарданова. – Нальчик, 1974.
РПЧШ – Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов / Ред. С.А. Токарева, Е.М. Шиллинга. – М.: МГУ, 1940.